

Дзапарова Елизавета Борисовна

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ А. КОЦОЕВА "ДЖАНАСПИ" С ОСЕТИНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены приемы воссоздания в переводах повести осетинского писателя А. Коцоева "Джанаспи" комического эффекта исходного текста. Автор статьи рассматривает передачу разговорной лексики, слов сниженного стиля, определенных комических ситуаций. Особое место в статье уделяется переводу образных единиц языка, используемых в речи героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'255.2/821.221.18

Филологические науки

В статье рассмотрены приемы воссоздания в переводах повести осетинского писателя А. Коцюева «Джанаспи» комического эффекта исходного текста. Автор статьи рассматривает передачу разговорной лексики, слов сниженного стиля, определенных комических ситуаций. Особое место в статье уделяется переводу образных единиц языка, используемых в речи героев.

Ключевые слова и фразы: исходный текст (ИТ); переводной текст (ПТ); исходный язык (ИЯ); переводящий язык (ПЯ); единица языка; комизм; разноязычные тексты; образность; коннотация.

Дзапарова Елизавета Борисовна, к. филол. н.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

Владикавказского научного центра Российской академии наук

и Правительства Республики Северная Осетия-Алания

l-dzaparova@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ А. КОЦУЕВА «ДЖАНАСПИ» С ОСЕТИНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК[©]

Среди наименее изученных проблем современного осетинского литературоведения являются проблемы теории и практики художественного перевода. Ранее нами были сделаны попытки осветить особенности перевода некоторых прозаических произведений осетинской литературы [1; 2], но в настоящее время остаются неизученными многие другие аспекты художественного перевода осетинской прозы. Наше исследование посвящено изучению языковых особенностей передачи комического при переводе повести А. Коцюева «Джанаспи» с осетинского на русский язык.

Арсен Коцюев (1872-1944) – продолжатель традиций Коста Хетагурова и Сека Гадиева в осетинской литературе. Тематика и проблематика его рассказов касалась обычаев и традиций осетин, дореволюционной осетинской действительности. Изображая быт осетин, Коцюев жестоко критиковал не только деспотизм местных властей, но и невежество, покорность крестьян. Чаще всего они и становились героями произведений Арсена Коцюева. Рассказы писателя отличает лаконизм и ясность изложения.

Проза А. Коцюева не раз становилась ценнейшим материалом для переводчиков. Сам он был переводчиком на осетинский язык многих классических произведений русской литературы¹, почти все рассказы А. Коцюева были переведены на русский язык. В числе переводчиков произведений А. Коцюева были В. Шкловский, Ю. Либединский, Л. Либединская, Б. Яковлев, Д. Туаев и Б. Ковынев, А. Гулуев, Ф. Гатуева. Многие переводы произведений А. Коцюева не были изданы и хранятся в фондах научного архива СОИГСИ [7, д. 94]. Некоторые произведения писателя были переведены на русский язык неоднократно. Например, повесть А. Коцюева «Джанаспи» переводилась дважды – В. Шкловским [4] и Д. Туаевым [3]. Переводы этого произведения позволили русскоязычному читателю познакомиться с творчеством одного из зачинателей осетинской художественной прозы. Д. Туаев и В. Шкловский каждый по-своему постарались отразить идейные искания осетинского писателя.

Повесть «Джанаспи» занимает большое место в творчестве А. Коцюева. Произведение, изданное в 1940 году, продолжает тематику многих других произведений А. Коцюева: классовая борьба за установление и укрепление советской власти в осетинском селе, коллективизация, раскулачивание. Автор повести с высокой степенью реалистичности раскрывал истинные лица людей, борющихся против советской власти; выразил резко негативное отношение ко всякому проявлению в человеке хищнического начала. В образе главного героя кулака Джанаспи Коцюев показал лживого и алчного человека, готового для достижения своей «благодатью» цели переступить через моральные законы.

А. Коцюев одним из первых в осетинской прозе утвердил юмор и сатиру. Новаторство коцюевского стиля, пронизанного сатирой и юмором, было отмечено современниками писателя. Так, Ц. Гадиев пишет: «В произведениях нашего автора (Арсена Коцюева – Е. Д.) здесь и там разбросаны подкупающие блески юмора: нечто новое для осетинской литературы» [9, с. 130]. В повести «Джанаспи» комическое выражается в отношениях автора к героям. Коцюев иронизирует по поводу их поступков, высмеивает позицию жизни. Рассмотрим особенности передачи отрывков оригинала, содержащих комический компонент.

Особый интерес переводы произведений А. Коцюева не вызывали у литературоведов. Анализ особенностей художественного перевода произведений писателя посвящена лишь рукопись Б. Фидарова «К вопросу о переводах Коцюева Арсена» [8, д. 39, л. 49-63]. В ней автор обратил внимание на проблему воссоздания в переводах особенностей стиля прозы осетинского писателя: максимальный драматический лаконизм, сюжетно-композиционный монтаж, удивительный ритм [Там же, л. 51]. Автор труда рассматривает переводы

[©] Дзапарова Е. Б., 2014

¹ А. Коцюев на осетинский язык перевел повести А. С. Пушкина «Дубровский», «Станционный смотритель», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя, рассказы А. П. Чехова.

рассказов «Охотники», «Саломы», «Не ожидали». В ходе анализа исследователь приходит к выводу, что переводчики «порой пренебрегали стилиевой установкой Коцюева и стилообразующими факторами» [Там же, л. 63]. В своем исследовании автор затронул и повесть «Джанаспи», в частности, обратился к переводу ее экспозиции. По мнению исследователя, переводчик повести В. Шкловский не совсем верно донес ее художественную структуру. Речь идет о портретной характеристике главного героя: «*Джанаспи посмотрел в зеркало; он увидел лицо, которое ему самому показалось значительным: коротко остриженную бороду, солидные усы*» [Там же, л. 56]. Здесь, по мнению Фидарова, Шкловский при переводе не совсем правильно донес мысль автора. «Трудно предположить, с каких пор у осетин –жоротко остриженная борода» почиталась за признак солидности? И так ли значительно это в самом деле, когда манера типизации у самого автора совершенно другая» [Там же], – констатирует исследователь. Шкловский, «дописывая» за автора небольшие детали, при этом нарушает не только целостность произведения, его смысловую структуру, но и приводит, по мнению Фидарова, к потере в переводе колорита и необходимого звучания.

А как справился с переводом указанного отрывка другой переводчик повести А. Коцюева – Д. Туаев? Приведем примеры из разноязычных текстов. Оригинал: «*Растæмбис йæ ас, бæзæрхыг, саулагъз, саухал, зачьæ цыбыр сæлвæд, рихтææ зæбул сæхи уаггæй, – йæхи-иу куы рацарæзта Джанаспи, уæд чи сдзырдтаид ахаммæ сæдзытæй, сæмæ сæцæгдæр, аргъ ын уыди хъæубæсты*» [5, с. 319]. Перевод: «*Он был чернявый, среднего роста, коренасты. Борода его была подстрижена коротко, а усы опущены книзу. И когда он наряжался, никто не мог бы сказать, что он непочетный в селе*» [3, д. 94, л. 1]. Как видим, описание внешнего вида Джанаспи в оригинале и в переводе Туаева детально соответствуют.

Большое внимание в своем произведении автор уделяет внешнему виду других своих героев. Через описание внешности А. Коцюев достаточно выразительно раскрывает их черты характера, выражает свое идейное отношение к ним. Например, описывая «друзей» Джанаспи, автор использует сарказм, зло высмеивая людей, способных лишь на потребительские отношения друг к другу. Судью Бабоева Дудара, священника Михала, старшину села Тели характеризует негативно. При этом автор не скуп на краски, наделяя каждого характерными эпитетами и сравнениями. Наиболее объемной характеристикой А. Коцюев наделил Михала. Высмеивая полноту священника, автор использует шуточные обороты и сравнения: «*Телийы гæлдæргæй гъаудæр гæлдæр сæннын бантысты*», «*йоркшираг хуыбы хуызæн нард уыди Михал*», «*скодта арахъуадзæн стыр гарзы йæс губыбын*», «*Михалæн бæрзæй æппындæр нæ уыди... бæрзæй нæрдты ахсæн фесафтти, нал зынди*», «*цæсгом... уыди формæйæ тымбыл, хуызæй та сырх, цæлхыдзаг мæй йæ 'рныгуылынмæ куы сæрцæйцæуы, уæд куыд вæййы, афтæ*» [5, с. 329]. В переводе Д. Туаева сохранилась юмористическая направленность исходных отрывков. Сравним: «*живот его напоминал собой объемистую кадушку*», «*обогнал и далеко позади оставил известную своей жирностью йоркширскую породу свиней... никакая свинья йоркширской породы в объеме не достигает кадушки, в то время как Михал превзошел и ее*», «*у него вовсе нет шеи... она то была, но затерялась где-то в складках жира*», «*лицо... по форме было кругло, шарообразно, а цветом напоминало полную луну на закате*» [3, д. 94, л. 14-15]. Как видим, ирония автора не щадит персонажа, А. Коцюев использует точные сравнения, наиболее характерные для описания внешнего облика героя. Перевод адекватен оригиналу. Переводчиком отражена не только основная мысль указанного отрывка, но и сохранены все используемые автором лексические средства, образные выражения ИЯ.

Столь объемной характеристики внешнего вида священника Михала мы не увидим в переводе В. Шкловского. Переводчик по непонятным причинам ее опускает. Нет и описания внешности самого главного героя Джанаспи, где автор указывает на его рост, отличительные признаки облика: коренастость, смуглость...

Особую сложность для переводчика художественного текста составляет передача отклонений от литературной нормы. Для достижения определенного комического эффекта А. Коцюев вводит в переводимый текст разговорную лексику, которая забавно звучит в повествовании. Обычно она используется авторами в речи персонажей для придания им определенной характеристики или как отдельные вкрапления – для колорита. Как правило, перевод просторечия, разговорной лексики требует адекватных единиц, имеющих такой же оттенок стилистической сниженности. Этот особый лексический пласт труднопереводим. Нередко переводчик в ходе передачи элементов сниженного стиля сталкивается с основной трудностью – отсутствием в ПЯ функционально одинаковых слов, относящихся к подобной лексике.

В повести А. Коцюева «Джанаспи» просторечная и разговорная лексика представлена преимущественно в речи главного героя. Речь определенным образом характеризует Джанаспи и его отношение к окружающим. Приведем примеры из оригинала: «*Харитонен та æппын æнцой нал ис, хуыссæг сæй нал ахсы, ахсæвæй, бонæй хъæуы уынты лекка кæны... Йæ фыды йыл сардауын хъæуы, бæгъæвæдтимæ йæ лекка кæнын куыд ныуадза, афтæ...*» [5, с. 343]; «*"Фæлаууæд, куыдзы фырт!..." – сдзырдта-иу хиннымæры*» [Там же, с. 373]; «*Куыйтæ, алицæмæй байдзаг кодтой сæ хæдзæрттæ*» [Там же, с. 374], «*Гъæ куыдзы хъыбылтæ...*» [Там же, с. 378] и т.д.

В русских переводах повести слова сниженного стиля не всегда находят полное соответствие. В переводе В. Шкловского подобная лексика компенсирована более «литературными» лексическими средствами, стилистически нейтральными, являющимися нормой в русском языке. Но выбранный Шкловским способ перевода вряд ли можно отнести к переводческой ошибке. И. Левый и вовсе считает, что «не обязательно, чтобы в народной речи каждому разговорному обороту оригинала отвечало просторечие в переводе: оно может быть использовано в другом месте, лишь бы общее впечатление от речевой характеристики сохранилось неизменным» [6, с. 148].

Д. Туаев постарался отразить все элементы ИЯ. Переводчик подыскал в ПЯ в качестве аналогов слова сниженного стиля. Им переданы особенности лексико-стилистического строя подлинника, весь смысл

рассматриваемых отрывков: «Вон Харитон, сын хромого Бибо, так тому и удержу нет, днем и ночью **шляется** по улицам. Надо пожаловаться его отцу, чтобы он не допускал сына **шляться с босарней**» [3, д. 94, л. 32]; «"Погоди, **собачий сын!**" – грозил Джанаспи про себя» [Там же, л. 63]; «**Собаки, накопили всякого добра, а у меня дома ни одной вещи не осталось!**» [Там же], «**Эй, сукины сыны**» [Там же, с. 69].

Не менее сложным в художественном переводе является передача различных шуточных ситуаций, изображенных автором в оригинале. В повести «Джанаспи» Коцюев средствами сатиры высмеивает человеческие пороки, показывает нам степень нравственного падения человека. Автор смеется над своим героем Хасанбегом, сыном Джанаспи, иронизирует по поводу пристрастия его к алкоголю. Читаем в оригинале: «*Иу хатт сихор херыны афон, колхозонтæ станмæ куы цыдысты, уæд йæ дзыппæй фæзынди авг. Йæ фæдыл чи цыди, уый йæм дзуры: – Хасанбег, дæ арахъхъ фæкалди. Хасанбег йæ дзыппæ фæлæбурдта æмæ авг арфдæр афснайдта. – Арахъхъ куы нæ у. Дойныганаг дæн æмæ авджытæ херыны тыххæй нæу, фæлæ, Уастырджистæн, сенæуый дойныганаг дæн. – Авæр-ма дзы менæн дæр, æз дæр æрбадойны дæн, – бахудти колхозон*» [5, с. 363].

При переводе определенной смешной ситуации переводчик должен ориентироваться на принимающую культурную среду. Юмор, как известно, отражает национальный характер, и отсутствие в языке, культуре общих понятий и аналогичных ситуаций может привести к непониманию или вовсе к искажению несущей в оригинале информации. Для адекватного отражения обыгранной в подлиннике смешной ситуации переводчики Д. Туаев и В. Шкловский выбрали идентичные языковые средства. Для сравнения приведем пример соответствующего отрывка в переводе В. Шкловского: «*Однажды во время обеденного перерыва в стане колхозник заметил в кармане Хасанбега бутылку с аракой¹. – Хасанбег, ты араку разлил! Хасанбег глубже засунул бутылку в карман. – Это не арака, жажда меня мучает, и я в бутылке ношу воду. – Ты что, ветчины объелся? – Какая может быть ветчина в нашем разоренном доме!.. – Так дай мне воды, она, небось, у тебя вкусная!* – сказал колхозник, засмеявшись» [4, с. 123].

Как показывает анализ, переводчик отказывается от дословного перевода, заменяет ключевое слово «*цæхджынтæ*» («соления») на «*ветчину*», но при этом сохраняет передаваемый смысл и комический эффект, задуманный автором в произведении. Наличие фоновых знаний способствовало сохранению комического в переводе и адекватной передаче эстетической функции, прагматики переводимого текста.

Одним из основных средств характеристики персонажей является их речь. Для создания определенного комического эффекта А. Коцюевым в тексте используются образные единицы языка. Используя их в речи своих героев, автор создает в произведении дополнительный комический фон. В тексте А. Коцюева представлены ФЕ с ярко выраженной национальной спецификой, которые, как правило, очень трудны для перевода. Рассмотрим передачу их переводчиками с осетинского на русский язык. В переводе В. Шкловского ФЕ ИТ слабо представлены. Не будучи носителем осетинского языка и работая с помощью подстрочника, Шкловский в большинстве случаев отказывается от поиска в ПЯ эквивалентов. В одних случаях полностью опускает образную единицу, в других – использует различные приемы экспликации ее значения. Приведем примеры описательного, разъяснительного способа передачи Шкловским ФЕ оригинала: «*æрдыл æрбалæууыди*» – «*напомни*», «*маст исыныл бакусай*» – «*отомстить*», «*йæ цæст дары*» – «*наблюдал*», «*хъуыддæгтæ ленк кодтой йæ фырт Хасанбеджы сæры*» – «*думал*», «*æмæ та цард йæ бынаты сбæддæн*» – «*вернется мирная жизнь*» и т.д.

Необходимо отдать должное Д. Туаеву за стремление сохранить в переводе образные единицы ИЯ. Для их передачи он находит в ПЯ эквиваленты, а там, где это невозможно, использует дословный перевод. Приведем примеры нахождения Туаевым функционально равноправных переводимых ФЕ: «*дыууæ цармы стигъынмæ хъавыс*» – «*ты хочешь из своего должника две шуры содрать*», «*йæ кой-йæ хъæр никаæцæйуал хъуысти*» – «*нет о нем ни духу, ни слуху*», «*дур дурыл куынаеуал ныууагътой*» – «*камень на камне не оставили*», «*дæ хуыз йæ бынаты куы нæ ис*» – «*на тебе же лица нет*» и т.д.

Дословный перевод фразеологизмов позволил переводчику сохранить передаваемую мысль, но местами ФЕ в ПТ звучат грубовато и смешно: «*æз дæ уд дæ хъуырай сласдзынаен*» – «*я душу с тебя вытяну через горло*», «*се 'фсæртæ уыйас куыд уромыци, се 'взæгтæ куыд нæ фæллайыци*» – «*как не устанут у них языки, не заболят челюсти*», «*æгъдæуттæн сæ сарты ахизæн нæ уыди*» – «*осетинские обычаи нельзя было ни разбить, ни обойти*».

Для создания комического эффекта автором произведения используются некоторые сравнения, при переводе которых переводчики не всегда находили адекватные решения: «*йæ хæдзар уыди кæркдоны хуызæн*» – «*изба, похожая на курятник*» (В. Шкловский), «*домик его был похож на курятник*» (Д. Туаев), «*ды та гæмæл силоткаей хуызæн*» – «*ты сам, как сухая селедка*» (В. Шкловский), «*ты как сухая селедка*» (Д. Туаев), «*сауджыны цæсгом сырх-сырхид дардта хæрцæттæ помидоры хуызæн*» – «*лицо у священника покраснело*» (В. Шкловский опускает сравниваемый образ) – «*лицо у священника покраснело и напоминало переспелый помидор*» (Д. Туаев). Нет в обоих переводах и следующего сравнения подлинника: «*дзаг голла-гау хъазахъхъ æрфæлдæхти цуварсырдаем*» (букв. с осет. «казак упал в сторону как полный мешок»).

Итак, анализ стилистических приемов создания комического эффекта и установление способов его передачи при переводе повести А. Коцюева «Джанаспи» Д. Туаевым и В. Шкловским позволяют сделать ряд выводов. Переводчиком в основном удалось сохранить юмористическую направленность переводимого текста. Частичная потеря наблюдается у В. Шкловского и при переводе ненормированной лексики и фразеологизмов. Вместе с тем в русском тексте Шкловского можно найти и немало удачных переводческих решений, позволяющих в полной мере обеспечить эквивалентность коннотаций.

¹ Арака (арахъхъ) – осетинский алкогольный напиток.

Список литературы

1. **Дзапарова Е. Б.** Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 65-69.
2. **Дзапарова Е. Б.** Особенности передачи в художественном переводе фразеологических единиц с ярко выраженной национальной спецификой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. II. С. 87-90.
3. **Коцоев А.** Джанаспи / пер. Д. Туаева // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Отдел «Литературоведение». Ф. 50. Оп. 1.
4. **Коцоев А.** Джанаспи: повесть / пер. с осет. В. Шкловского // Коцоев А. Избранные рассказы. М.: Художественная литература, 1952. С. 94-147.
5. **Коцойты А.** Джанаспи: повесть // Коцойты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. Ф. 319-408.
6. **Левый И.** Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
7. **Туаев Д.** Переводы произведений осетинских писателей // НА СОИГСИ. Отдел «Литературоведение». Ф. 50. Оп. 1.
8. **Фидаров Б.** К вопросу о переводах Коцоева Арсена // НА СОИГСИ. Ф. А. Хадарцевой. Д. 39. Л. 49-63.
9. **Цомак.** Основные факты осетинской литературы // НА СОИГСИ. Ф. Ц. Гадиева. № 17-31. Папка 4.

**METHODS FOR TRANSFERENCE OF COMICAL UNDER THE TRANSLATION
OF THE STORY BY A. KOTSOYEV “DZHANASPI” FROM THE OSSETIC INTO RUSSIAN**

Dzaparova Elizaveta Borisovna, Ph. D. in Philology

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences and the Government of Ossetia-Alania
l-dzaparova@mail.ru*

The article considers the methods for reconstruction of comical effect of the original text in the translations of the story by the Ossetian writer A. Kotsoyev “Dzhanaspi”. The author analyzes the transference of colloquial vocabulary, low style words, certain comic situations. The paper pays special attention to the translation of figurative linguistic units used in the speech of the characters.

Key words and phrases: original text; text in translation; original language; language of translation; linguistic unit; the comic element; multilingual texts; figurativeness; connotation.

УДК 803.0-1/8Рильке

Филологические науки

В статье рассматриваются метафорические репрезентации концепта SEELE (ДУША) в поэтической картине мира Р. М. Рильке. Представлена типология когнитивных метафор на основе областей-источников, служащих базисом для их создания. Описываются корреляции концепта SEELE с концептами антропоморфной и натуроморфной парадигмы. Выделяются когнитивные слои исследуемого феномена.

Ключевые слова и фразы: концепт SEELE (ДУША); когнитивная метафора; Р. М. Рильке; поэтическая картина мира; когнитивная модель.

Ерофеева Лариса Анатольевна, к. филол. н, доцент

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
lar.erof@mail.ru*

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ SEELE (ДУША)
В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Р. М. РИЛЬКЕ[©]**

Внутренний мир человека – это особый мир, который интересует исследователей разных научных областей: психологов, философов, религиоведов, в том числе и лингвистов. Это сфера индивидуальной жизни человека, включающая в себя эмоции, чувства, аффекты, верования, устремления и содержащая в себе результаты внутреннего и внешнего опыта человека [7]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что изучение языковых репрезентаций концептов внутреннего мира показывает, насколько велика в процессе создания этой области языковой картины мира роль «культурно-исторического багажа народа», то есть мифологии, фольклора, поэзии, художественной литературы [1, с. 398-399]. Каждый из компонентов внутреннего мира человека концептуализируется как неподконтрольное телу существо, живущее своей собственной жизнью, воздействующее на других внутренних существ и даже на самого человека [12].